

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1911**

Выпуски 9-12

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1911: Выпуски 9-12 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 704 с.

ISBN 978-5-458-47422-1

«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартнев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартнев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартнева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартнев подбирал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартнева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартнева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-47422-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

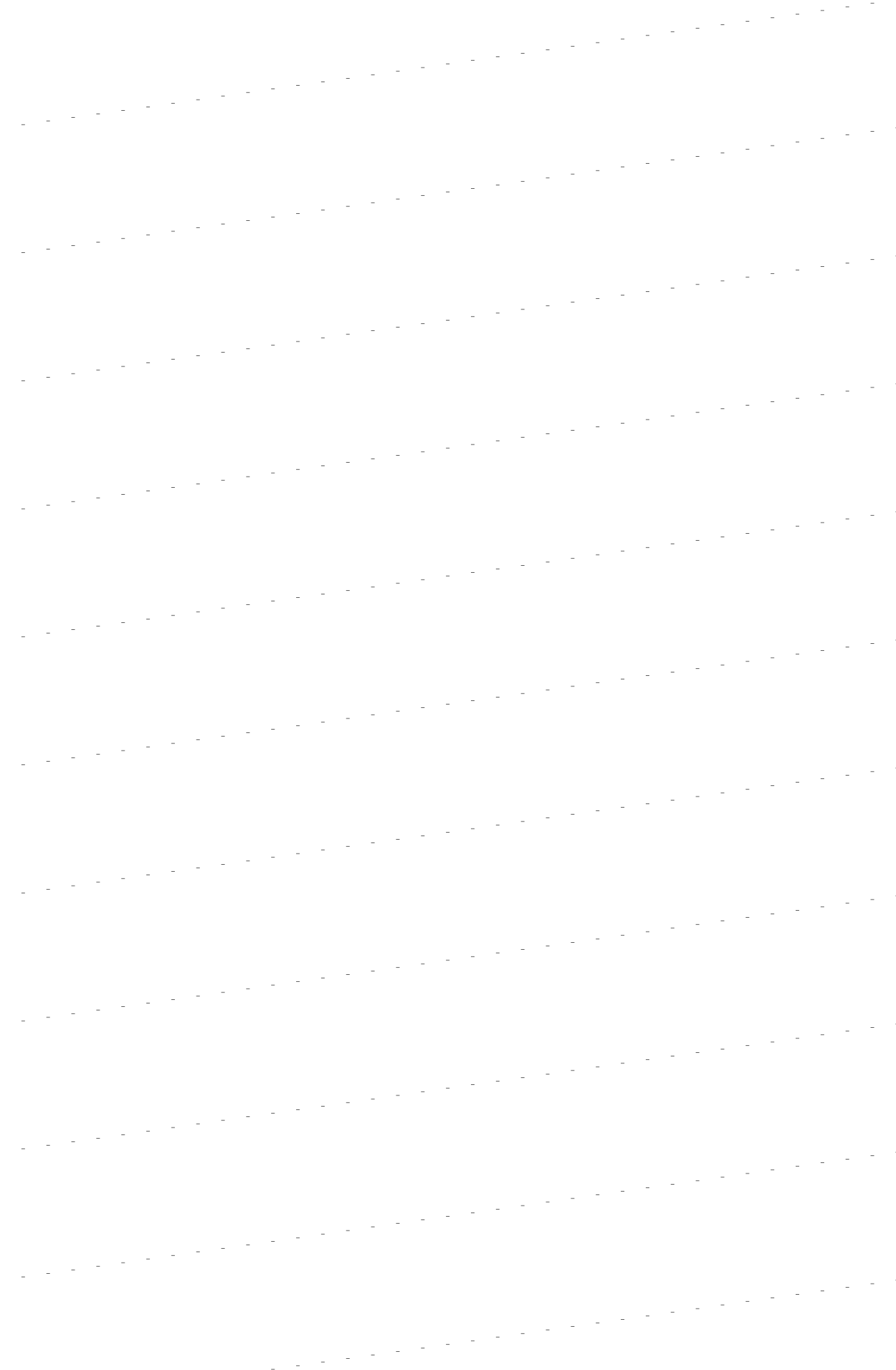
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

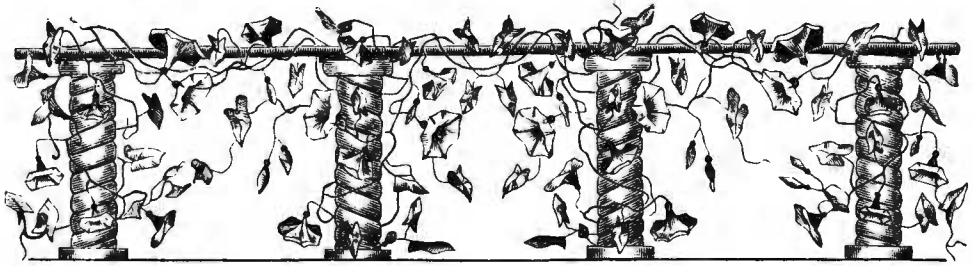
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О характеръ и значеніи древнихъ купальскихъ обрядовъ и игрищъ.

Въ настоящее время отъ древней языческой религіи нашихъ предковъ Славянъ сохранилось въ народѣ только нѣсколько малопонятныхъ ему именъ божествъ, которыя продолжаютъ удерживаться въ его памяти лишь въ силу того, что они входятъ въ составъ обрядныхъ пѣсень, а также различныхъ заговоровъ, пословицъ и поговорокъ. Последнія же, въ ихъ очередь, неразрывно связаны съ народными обычаями и обрядами, которые, хотя и являются обыкновенно утратившими въ народномъ сознаніи свое первоначальное значеніе, тѣмъ не менѣе отличаются необычайною живучестію. Обрядъ, обыкновенно, и долженъ служить критеріемъ при объясненіи смысла сопровождающихъ его изреченій и пѣсень. Языческихъ обрядовъ сохранилось въ народѣ еще очень много, и они даютъ намъ способы къ проникновенію въ тайны древнѣйшихъ вѣрованій, давно утраченныхъ и забытыхъ, къ возведенію скудныхъ остатковъ древнихъ религіозныхъ представленій, о которыхъ, несомнѣнно, свидѣлствуютъ многіе народные заговоры, пѣсни, пословицы и поговорки,—къ ихъ источнику, къ восстановленію ихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ.

Среди различныхъ праздничныхъ обрядовъ несомнѣнно языческаго характера въ настоящее время едва ли не первое мѣсто и по своей многочисленности и по своей широкой распространенности занимаютъ такъ называемые „купальскіе“ обряды, остатокъ древнеязыческихъ обрядовъ и игрищъ.

Чтобы выяснитъ по возможности настоящій характеръ и значеніе этихъ послѣднихъ, необходимо припомнитъ въ общихъ чертахъ о томъ религіозномъ міросозерцаніи, какое выражалось въ праздникахъ нашихъ предковъ, Славянъ-язычниковъ, и лежало въ основѣ этихъ праздниковъ и, затѣмъ, о тѣхъ видоизмѣненіяхъ, какимъ подвергалось это міросозерцаніе въ теченіи послѣдующаго ряда вѣковъ, вызывавшихъ въ ихъ очередь и видоизмѣненія въ характерѣ народныхъ праздниковъ.

Дѣленіе года у древнихъ Славянъ опредѣлялось тѣми естественными, для всѣхъ наглядными, знаменіями, какія даются самою природою. Годъ распадался на двѣ половины: на лѣтнюю и зимнюю и начинался съ наступленіемъ

весны, когда природа пробуждается отъ мертвеннаго зимняго сна къ жизни, и свѣтлые боги приступаютъ къ созданію своего благодатнаго царства. Главная мысль, лежащая въ основѣ почти всѣхъ народныхъ праздниковъ и праздничныхъ обрядовъ, можетъ быть выражена въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: смерть природы зимою и обновленіе или воскресеніе ея весною.

Въ естественной смѣнѣ временъ года, зимы и лѣта, древній человѣкъ видѣлъ борьбу двухъ противоположныхъ силъ. Съ поворотомъ солнца на зиму и соединялась мысль о замираніи творческихъ, плодотворныхъ силъ природы, а съ поворотомъ этого свѣтила на лѣто соединялась мысль о ихъ возрожденіи¹⁾. Первая мысль выразилась въ ряду весеннихъ праздниковъ, вторая—зимнихъ.

Причина разнообразія народныхъ праздниковъ прежде всего заключается въ разнообразіи естественныхъ явленій, лежащихъ въ основѣ этихъ праздниковъ; въ мифическихъ представленіяхъ народной фантазіи нельзя видѣть преимущественно образовъ одного извѣстнаго порядка явленій природы, напримѣръ, только грозовыхъ или только солнечныхъ явленій: напротивъ, тѣ и другія явленія обращаютъ на себя болѣе или менѣе одинаковое вниманіе младенствующаго народа, равно возводятся на степень боговъ и чествуются особыми праздниками. Такъ, напримѣръ, къ числу „солнечныхъ“ и народныхъ праздниковъ могутъ быть отнесены: „коляда“, „масляница“, „пасха“, „Юрьевъ день“, „Иванъ Купала“, а къ грозовымъ: Ильинъ день, Жильный Четвертъ и др.²⁾

Затѣмъ явленія одного и того же порядка, напримѣръ, солнечныя или грозовыя, представляемы были въ чрезвычайно разнообразныхъ и многочисленныхъ образахъ: то они выразились въ мужскихъ и женскихъ образахъ, то понимались со стороны различныхъ своихъ свойствъ, благотворныхъ или вредныхъ для человѣка, то, наконецъ, замѣчаемы были различные моменты борьбы благотворныхъ силъ природы съ враждебными силами. Всѣ такіе образы и олицетворяемы были въ видѣ отдѣльныхъ божествъ и чествовались особыми праздниками. Такимъ образомъ, рядомъ съ народнымъ праздникомъ св. Андрею явился народный праздникъ въ честь св. Катерины, съ Иваномъ Купалой—Аграфена Купальница, съ Ильею Громовникомъ—„Огненная Марія“. Торжество благотворныхъ явленій свѣта надъ силами тьмы образовало цѣлый рядъ праздниковъ въ честь весны. „Каждому новому успѣху въ годичной борьбѣ свѣта съ непріязненной тьмой, говоритъ О. Миллеръ, долженъ былъ посвящаться особенный праздникъ, а всѣ они вмѣстѣ составили цѣлый годичный кругъ съ особыми пѣснями и обрядами для каждаго его звена“.³⁾

Умноженію числа народныхъ праздниковъ способствовало и то обстоятельство, что къ своимъ небеснымъ богамъ народная фантазія стала посте-

¹⁾ Поэт. возр. Слав. на природу Аѳанасьевъ, т. III. гл. XXVIII.

²⁾ „Мифическая старина“ Аверкіева. „Заря“ 1871 г. № 4 стр. 140—142.

³⁾ Опытъ истор. обзор. Русской словесности. О. Миллера, изд. 2. 1866 г. I, 26.

ленно присоединять и различныя демоническія существа. Тѣ поэтическіе обряды, въ которыхъ рисовала народная фантазія могучія стихіи и ихъ вліяніе на природу, почти исключительно были заимствованы изъ того, что окружало человѣка, что потому самому было для него ближе и доступнѣе. Изъ собственной житейской обстановки бралъ человѣкъ свои наглядныя уподобленія и заставлялъ божественныя существа творить на небѣ то, что самъ онъ дѣлалъ на землѣ. Но какъ скоро утрачено было настоящее значеніе метафорическаго языка, старинныя мѣты стали пониматься буквально, и боги, мало по малу, унизились до человѣческихъ нуждъ, заботъ и увлеченій и съ высоты воздушныхъ пространствъ стали низводиться на землю—на это поприще народныхъ подвиговъ и занятій.*)

Такимъ образомъ, богини небесныхъ облаковъ низведены были на землю и олицетворены въ образахъ вѣдьмъ и русалокъ, воспоминанію которыхъ посвящены были особые дни. Низведенныя же на землю божества подверглись вліянію и тѣхъ климатическихъ перемѣнъ, какія происходили въслѣдствіе переселенія нашихъ предковъ изъ теплыхъ странъ въ болѣе холодныя. Преходя съ знойнаго Юга на холодный Сѣверъ, народъ невольно становился въ другія отношенія къ окружающей его природѣ: лазуревое, южное небо, днемъ озаренное лучами благодѣтельнаго, но въ тоже время грознаго-палачаго, всеожигающаго солнца, а ночью блестящее яркими огнями звѣздъ, на Сѣверѣ замѣнилось блѣднымъ, большую часть года закрытымъ сѣрыми тучами небеснымъ сводомъ; сѣверный житель съ жадностію ловитъ каждый лучъ солнца, согревающій холодную почву, большую часть года скованную морозомъ и снѣгами. Въ сѣверныхъ широтахъ солнце естественно утратило, поэтому, въ народной фантазій свою грозную природу, получивъ на народномъ языкѣ названіе „батюшки краснаго солнышка“. Звѣзды, которыя играли столь важную роль въ религіи южныхъ народовъ, у Славянъ, съ переселеніемъ ихъ на Сѣверъ, почти вовсе потеряли свое прежнее міѳологическое значеніе. Солнце сосредоточило на себѣ преимущественное вниманіе народа: на солнце перенесены были многія черты и свойства, которыя прежде приписывались другимъ небеснымъ свѣтиламъ.

Грозный, губительный для человѣка и всей живой природы южный зной, приносящій засуху и заразу, на Сѣверѣ замѣнился холодною сыростію, лютыми вьюгами и морозами. На Югѣ человѣкъ проводитъ большую часть жизни подъ открытымъ небомъ, невольно созерцаая явленія окружающей его природы, на Сѣверѣ же онъ ютится въ теплой избѣ, вмѣсто яркаго звѣзднаго неба онъ созерцаетъ пламя очага, которое любитъ и почитаетъ какъ святию. Если въ обрядахъ Рождества, говоритъ О. Миллеръ, во время еще рѣшительно-зимнее, какъ бы заранѣе торжествуется лѣто, то это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что обряды эти вынесены нашими предками изъ тѣхъ болѣе теплыхъ странъ, въ

*) Поэтич. возр. Слав. на природу, Аванасьева т. I. гл. 1.

какихъ сложились первоначально вѣрованія Славянскаго народа. На это, повидимому, указываетъ и приѣвъ, нерѣдко раздающійся у насъ о Рождествѣ, пѣсенный приѣвъ о виноградѣ, а также и попадающее въ тѣхъ же пѣсняхъ упоминаніе о Дунаѣ*).

Оставляя теплыя страны и переселясь въ болѣе холодныя, народъ до извѣстной степени сообразно съ климатомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ праздновалъ начало весны позже. Приурочивая свои праздники, соответственно климату, къ болѣе позднему времени, народъ не забывалъ и о прежнихъ, болѣе раннихъ праздникахъ.

Наконецъ, едва ли не самое большое вліяніе на раздробленіе и размноженіе народныхъ праздниковъ оказано было христіанствомъ: оно принесло съ собою свой календарь, свои праздники и посты, которые двоевѣрный народъ смѣшалъ со своимъ календаремъ и со своими праздниками и эти послѣдніе перенесъ на другіе дни или же одинъ и тотъ же праздникъ раздѣлил на нѣсколько праздниковъ.

Остатки древнеязыческихъ обрядовъ въ періодъ высшаго солнцестоянія сохранились не только у насъ въ Россіи, но и у другихъ народовъ. Во Франціи во многихъ мѣстахъ сохранился обычай возжигать Ивановскіе костры на коихъ сожигались живыя кошки или лисицы; нынѣ сжигаютъ на нихъ кости мертвыхъ животныхъ. Подобный же обычай сохранился и въ Германіи: Ивановскіе костры возжигаются въ Швабіи, гдѣ они называются *Himmels Feuer* и въ Даніи, гдѣ ихъ называютъ *Midsommersbaal* (средолѣтній Вааль). Въ Шотландіи молодые люди скачутъ черезъ огонь, въ то время какъ пожилые бормочатъ молитву; дѣвушки переходятъ черезъ пламя костровъ въ надеждѣ получить жениха, беременныя женщины—чтобы роды были легки. Въ Греціи женщины, прыгая черезъ Ивановскіе костры, восклицаютъ: „избавляюся (т. е. очищаюся) отъ грѣховъ“. Остатки подобныхъ обрядовъ сохранились у Эстовъ и многихъ другихъ народовъ. У насъ эти остатки весьма разнообразны и многочисленны.

Утромъ въ день св. Агриппины, 23 Іюня, во многихъ мѣстахъ крестьяне топятъ баню, а женщины готовятъ вѣнки, стараясь вплести въ нихъ цвѣты „Ивана да Марья“. Париться цвѣтомъ „Иванъ да Марья“ считается очень полезнымъ. До Аграфены-купальницы нѣкоторые считаютъ грѣхомъ купаться. Утромъ этого дня ходятъ собирать и цѣлебныя травы. Особеннымъ уваженіемъ пользуется „купальница“ или, такъ называемая, „кошачья дрѣма“. Ея стараются набрать, пока она покрыта еще утреннею росой, и влетаютъ въ вѣнки, выютъ изъ нея вѣнки, а остатки сохраняютъ, какъ лекарство отъ болѣзней. Въ югозападныхъ губерніяхъ „купальницею“ называютъ не „кошачью дрѣму“, а растеніе лютикъ (*galunculus*). Въ Малороссіи дѣвушки со-

*) Опытъ истор. обозр. Русской Словесности. О. Миллера. изд. 1-е. 1866 г. I, 27.

бирають для купальскаго вѣнка голубыя сокирки, панскій макъ, звѣробой, ноготки, мяту, кануперь. Въ вѣнокъ, какъ предохранительное средство, должна быть вплетена и полынь, которую кромѣ того въ этотъ день носятъ подъ мышками, въ виду охраны отъ вѣдьмъ и русалокъ.

Утро Аграфенина дня, а также и ночь этого дня, т. е. ночь на Ивана Купалу, считается самымъ лучшимъ временемъ для собиранія лекарственныхъ травъ, которыя пріобрѣтають въ это время сугубую цѣлебную и даже чудодѣйственную силу. Стольнику Матюшкину пишетъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1657 году: „Которыя волости у тебя въ конюшенномъ приказѣ вѣдомы, и ты бѣ велѣлъ тѣхъ волостей крестьянамъ и бобыльмъ на Рождество Іоанна Предтечи Іюня въ 23-й день набрать цвѣту сереборинаго, да травъ империновой, да мятной съ цвѣтомъ и дяглу и дятельнаго корня по пять пудовъ“.

Въ старинныхъ и новѣйшихъ цвѣтникахъ и травникахъ весьма часто можно встрѣтить слѣдующія замѣчанія: „Трава чернобыль; подъ корнемъ ея есть уголь. Трава чернобыль растеть гдѣ крапива, похожа она на коноплю. Хорошо подъ корнемъ ея вырвать этотъ уголь и имѣть при себѣ, и во всемъ будетъ удача. А рвать ее Іюня 23 дня“. „Трава Царскіе Очи для женитьбы и въ бракъ, и въ пирь, и въ судъ. Рвать эту траву Іюня 24 дня поутру. Трава чемерица для всякаго. Эту траву вырвать въ Ивановъ день. А корень ея годенъ носить при себѣ съ воскомъ: когда пойдешь въ судъ то судья все сдѣлаетъ въ твою пользу. Трава Адамова Голова. Эта трава растеть въ озерахъ и при рѣкахъ, ростомъ въ поясъ, кустиками, цвѣтъ ея рудожелтъ, кувшинцами, листовъ на ней 6, 8 и 12 бываетъ. Ту траву вырвать на Ивановъ день о купальницѣ, вечеромъ на зарѣ, или поутру на зарѣ и пронять ее сквозь золотую или серебряную цѣпочку. Корень ея носить при себѣ, тогда всѣ начальники будутъ покорны. А ежели хочешь увидѣть діавола, то освяти тотъ корень святой водой и положи подъ престолъ въ церкви на 40 дней и послѣ того возьми и носи при себѣ и узришь діавола. Трава Одоленъ для начальства. Трава Одоленъ растеть на черной землѣ, цвѣтъ ея рудожелтъ, листь какъ хлопчатая бумага. Угодно корень ея имѣть начальнымъ людямъ. И рвать ее Іюня мѣсяца 23 дня“....

По общераспространенному народному вѣрованію, въ ночь на Ивановъ день травы и деревья получаютъ способность перемѣщаться съ мѣста на мѣсто и вести между собою разговоръ. Вѣрованіе это распространено какъ въ Малоруссіи и Бѣлоруссіи, такъ и въ Великоруссіи. Рассказываютъ, что одна женщина въ ночь на Ивана Купалу сидѣла подъ березой съ двумя сыновьями, изъ которыхъ одинъ былъ грудной. Долго сидѣла она, какъ вдругъ услышала человѣческой голось, говорящій березѣ, подъ которой она сидѣла: „пойдемъ бабушку хоронить, она умерла“.—„Нельзя мнѣ идти: у меня на колѣняхъ сидитъ рабъ“, отвѣчала береза таинственному голосу. Это былъ разговоръ двухъ березъ: къ пожилой березѣ приходила молодая звать на похороны старой, которая, вѣроятно, отъ времени упала. Но березѣ, подъ которой сидѣла жен-

щина, идти было нельзя: на колѣняхъ ея (т. е. на корняхъ) сидѣлъ грудной ребенокъ ¹⁾.

Собранные на Ивана Купалу цвѣты служатъ въ Россіи и Бѣлоруссіи для особаго вида гаданья. Такъ, въ Слонимскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, нераспустившіеся цвѣтки „купавки“ втыкаютъ по одному въ стѣну, загадывая каждый цвѣтокъ на когонибудь изъ домочадцевъ. Чей цвѣтокъ распустится первымъ, тотъ первымъ и умретъ, чей вторымъ—тотъ умретъ послѣ перваго и т. д. Въ Новгородской губерніи для такого же гаданья служатъ цвѣты травы „богатеньки“: ее развѣшиваютъ по стѣнамъ на имя членовъ семьи и слѣдятъ, чей цвѣтокъ завинетъ ранѣе и чей поздне.

Тамъ, гдѣ нѣтъ обычая топить баню, по утру въ день Аграфены-Купальницы купаются въ рѣкахъ и озерахъ. Купаться до этого дня во многихъ мѣстахъ считается за грѣхъ.

Послѣ мытья въ банѣ или купанья въ Нерехотскомъ уѣздѣ, Костромской г., ѣдятъ „купальную кашу“, изготовленіе которой поручается дѣвицамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эту купальницкою кашею кормятъ нищю братію. Нищя братія откликнулась на это радушное угощеніе стихиркою про убогую „вдовицу-купальницу“, гдѣ говорится про какого-то Кіевскаго князь-боярина Неупокоя Мироновича, одѣлишаго казною храмы Божіи, питавшаго отъ щедротъ своихъ сиротство убогихъ. Дожилъ Неупокой до старости и видитъ онъ однажды чудный сонъ, что лежитъ за городомъ, въ хвѣрости и болѣзни, убогая вдовица, и слышитъ онъ голосъ, чтобы взять ему ту вдовицу себѣ на дворъ, кормить-поить ее до исхода души, и тогда будетъ ему во „грѣхахъ“ отрада“. Пошелъ Неупокой за городъ, отыскалъ вдовицу и спросилъ объ ея имени: „Родомъ я изъ Новгорода, отвѣчала вдовица, а зовутъ меня Купальницей“. Князь-бояринъ началъ звать ее къ себѣ на житье. Купальница согласилась, но прежде велѣла ему созвать на свой широкой дворъ „нищю братію, всѣхъ калѣкъ переходжихъ“, напоить ихъ медовою сытою, накормить кашею гречневою. Сотворилъ Неупокой повелѣнное, и пришла къ нему вдовица-купальница и сѣла за общій столъ съ нищею братіею. Съ тѣхъ поръ сталъ бояринъ ежегодно ставить столы для убогихъ, и Купальница жила у него во дворѣ до исхода души ²⁾.

Вечеромъ, наканунѣ Иванова дня, во многихъ мѣстахъ стараются добыть „живой огонь“, т. е. огонь, добытый посредствомъ тренія. Этимъ огнемъ и зажигаются купальскіе костры. Возженіе костровъ въ купальскую ночь происходитъ у всѣхъ почти Славянскихъ народовъ. „Въ ночь на 24 Іюня, какъ скоро зажгутся Ивановскіе огни, Карпаты, Судеты и Исполиновыя горы представляютъ собою истинно великолѣпное зрѣлище“, говоритъ Аванасевъ (III, 714).

Въ ночь на Ивановъ день, по народному повѣрью, вѣдьмы справляютъ свой праздникъ и стараются въ это время дѣлать усиленно зло людямъ. Хо-

¹⁾ О народныхъ средствахъ врачеванія. Этн. Обзорѣн. т. XXXVIII.

²⁾ „На каждый день“. И. О. Тюменевъ. „Русск. Паломникъ“ 1898 г. стр. 280.

зайки въ Малороссіи предъ наступленіемъ Купальской ночи, въ предохраненіе отъ вѣдьмъ, раскладываютъ по избѣ жгучую крапиву, а у входа въ хлѣвъ ставятъ молодую, вырванную съ корнемъ осину, и, кромѣ того, загоняютъ на ночь телятъ къ коровамъ, чтобы они сосали молоко и не давали доить его вѣдьмамъ. Еще ранѣе крестьяне обходятъ свои поля и осматриваютъ, нѣтъ ли гдѣ на хлѣбѣ „завитковъ“, которые завиваются въ этотъ день злыми людьми на пагубу скоту и человѣку. Эти „завитки“ или „завивки“ дѣлаются съ наговоромъ, при чемъ завивающій, захвативъ въ каждую руку по нѣскольку стеблей ржи или пшеницы, связываетъ ихъ верхушки особымъ узломъ и втыкаетъ колосья въ землю. Такая „завивка“ считается сама по себѣ на столько вредною, что развязать ее или вырвать связанные стебли—дѣло очень опасное, и для этого, обыкновенно, призывается знахарь. Въ средней Россіи эти завивки извѣстны подъ названіемъ „заломовъ“. Вырывъ заломъ, знахарь, обыкновенно, сожигаетъ его.

Въ Вилейскомъ уѣздѣ, Минской губ., крестьяне вѣрятъ, что въ Купальскую ночь вѣдьма не можетъ удержаться, чтобы не попросить чегонибудь у когонибудь изъ сосѣдей, преимущественно огня, спичекъ и т. п. Въ Слуцкомъ уѣздѣ, той же губерніи, наканунѣ Ивана Купалы крестьяне всюду по полямъ втыкаютъ осиновыя вѣточки для того, чтобы вѣдьмы не отнимали отъ хлѣба „споръ“ (т. е. урожай). Тамъ же въ щели хлѣвовъ и домовъ на эту ночь кладутъ особый родъ мелкой крапивы, называемой „жижка“. Траву, собранную наканунѣ Ивана дня, многіе изъ Бѣлоруссовъ относятъ въ церковь, гдѣ и святятъ ее. Такая трава извѣстна подъ названіемъ „Святоянскаго зелья“. Она считается полезной и отъ болѣзней, и отъ чаръ. Въ Бѣлоруссіи вѣрятъ, что вѣдьмы въ ночь на Ивановъ день лишаютъ коровъ молока, поя ихъ рососою съ огорода, но стоить только хозяйкѣ прокипятить въ горшкѣ пѣдилку съ „Святоянскимъ зельемъ“, какъ чаровницѣ сдѣлается плохо, и она непременно явится за какоюнибудь вещью изъ домашняго хозяйства, но ей отнюдь ничего не слѣдуетъ давать и даже надо строго слѣдить, чтобы она не подняла чегонибудь съ полу, хотя бы щепки и не унесла изъ дома. Если ей придется уйти съ пустыми руками, она непременно зачахнетъ. Тамъ же есть вѣрованіе, что въ Ивановъ день змѣя „мѣдяница“, которая обыкновенно слѣпа, получаетъ на цѣлыя сутки способность видѣть. Въ этотъ день встрѣча съ нею крайне опасна, такъ какъ мѣдяница стрѣлою бросается на человѣка и пробиваетъ его насквозь. По Великокорусскому повѣрью у вѣдьмъ постоянно хранится вода, вскипяченная съ пепломъ купальскаго костра. Когда вѣдьма вздумаетъ летѣть, то она обрызгиваетъ себя этою водою и летитъ, куда ей вздумается. (Афанасьевъ, III, 453).

Обрядъ зажиганія Купальскаго костра совершается въ Бѣлоруссіи такимъ образомъ. Молодежь выбираетъ распорядителя или, по мѣстному, „урядника“, и подъ вечеръ собирается къ нему во дворъ. Сначала, по распоряженію урядника, сносятъ со всей деревни всякую ветошь: старые сапоги, тряпки, лапти, изношенную одежду и т. п. Затѣмъ приводятъ отъ одного изъ хозяевъ лошадь,

обыкновенно, старую клячу, отъ другого катать колеса, отъ третьяго несутъ оглобли и, такимъ образомъ, устраиваютъ сборную телѣгу, на которой вывозятъ собранный хламъ на поле, сваливаютъ его въ одну большую грудку и оставляютъ въ полѣ до наступленія ночи. Отправляясь на игрище, рвутъ траву полынь и ею подпоясываются. Затѣмъ берутся за руки и выходятъ на поле съ пѣснями. Вокругъ костра втыкаютъ срубленные зеленныя деревца и, послѣ того, какъ костеръ подоженъ, размѣщаются вокругъ огня, угощаются, поютъ и пляшутъ. Затѣмъ, когда пламя костра разгорѣлось, урядникъ отдѣляетъ хлопцевъ отъ дѣвушекъ и ставитъ ихъ по обѣ стороны костра. Начинается прыганье черезъ огонь. Сначала прыгаютъ дѣвушки, а, затѣмъ парни. Дѣвушка, не перескочившая черезъ пламя, получаетъ названіе „вѣдьма“. Но тутъ же появляется и другая „вѣдьма“—самая старая изъ старухъ. Она подкрадывается къ костру, чтобы донести часть огня; но молодежь стережетъ ее, и лишь только „вѣдьма“ возьметъ огонь, ее гонять прочь, ударяя полынью, пока она совсѣмъ не скроется съ игрища.

Въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи вѣдму знаменуетъ отысканная заранее лошадиная или коровья голова, которую сжигаютъ на кострѣ. Крестьяне увѣрены, что какъ только олицетворяемая головою вѣдьма попадетъ въ огонь, на выручку ей явятся ея подруги и стараются разбросать уголья изъ костра. Поэтому, всѣ отскакивающіе во время горѣнія костра угольки тщательно собираются, и снова кидаютъ ихъ въ огонь.

Въ средней Россіи молодежь точно также прыгаетъ черезъ костеръ, но большею частію парами, при чемъ парень и дѣвушки стараются какъ можно крѣпче держать другъ друга за руку, потому что если во время прыжка ихъ руки разорвутся, то они теряютъ надежду, чтобы свадьба ихъ когда нибудь состоялась.

Въ югозападной Россіи необходимую принадлежность купальскихъ игрищъ составляетъ такъ называемая „Марѣна“, которая готовится слѣдующимъ образомъ.

1. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ праздникъ Купалы, еще до восхода солнца, дѣвицы выбираютъ палку, надѣваютъ на нее вѣнчикъ, выбѣгаютъ съ этой палкой на улицу и принимаютъ различныя насмѣшки надъ паробками въ родѣ слѣдующей:

Купайла-Ивана!
Сучка въ борщъ упала
Хлопци вытягали,
Зубы поломали.
Дивчата граблями,
А хлопци зубами.
Дивчата палками,
А хлопци руками и т. д.